

9815

10576

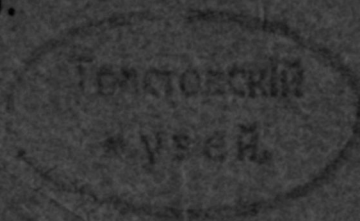
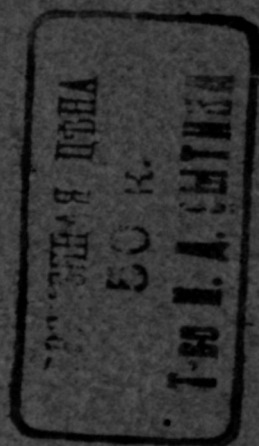
III

М. Анзиминова.

Правда о Мужчинахъ

(по поводу брошюры гр. Толстого „Правда о
женщинахъ“).

Цена 25 коп.

Издание Д. П. Ефимова.
Москва, Моховая, д. гр. Бенкендорфъ.
1905.

Изданія Д. Л. ЕФИМОВА,

Моховая, д. гр. Бенкендорфъ.

- Альтенбергъ Пет., Эскизы. Ц. 50 к.
Анзиморова. Правда о мужчинахъ. 25 к.
Ачкасовъ. „Пѣсни русскихъ писателей о волѣ“. Изд. 2-е, дополн. 75 к.
— Образцы изящной русской рѣчи. Сборникъ. Ц. 1 р.
Ауэрбахъ. Дача на Рейнѣ. Изд. 2-е. 2 р.
— Три единственныя дочери. Изд. 2-ое. Ц. 50 к.
Бейерлейнъ, Францъ. Иена или Седанъ? Ром. 2 р.
Бильзе, Лейтен. Изъ жизни одного маленькаго гарнизона. 1 р.
Браунъ, Лили. Женскій вопросъ. 2 р.
Бернштейнъ. Проблемы социализма. 1 р.
Беллами, Эдв. Черезъ сто лѣтъ. Ц. 1 р.
Бурже, П. Изъ-за любви. Ц. 50 к.
— Трагическая идиллія. Ц. 1 р. 50 к.
— Дѣловой человѣкъ. Ц. 75 к.
— Призракъ. Ц. 1 р.
— Этапъ. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.
Борхардъ, Б. Въ началѣ столѣтія. 40 к.
Викторовъ П. Ученіе о личности. Изд. 2-е. 1 р. 50 к.
— Новый взглядъ на природу любви и брака. Ц. 30 к.
Виндельбандъ. Освободѣ воли. Ц. 80 к.
Вербицкая. Освободилась. 1 р.
— Преступл. Маріи Ивановны. 1 р.
Вогюэ. Голоса мертвыхъ. 1 р.
— Антонъ Чеховъ. 20 к.
— Максимъ Горькій. Изд. 2-е. 30 к.
Гартманъ Эд. Современ. психологія, подъ ред. М. Филиппова. 2 р. 25 к.
Гауптманъ. Роза Берндъ. 40 к.
Герцъ. Аграрные вопросы въ связи съ социализмомъ. Ц. 1 р.
Геффдингъ, Г. Философскія проблемы. Пер. съ нѣм. Г. А. Котляра. 50 к.
Денисюнъ. Краткій повторительный курсъ теоріи и исторіи политической экономіи примѣнительно къ курсу университета. 75 к.
Джеромъ Н. Джеромъ. Павелъ Кельверъ. Ц. 1 р. 50 к.
Золя. Нана. Ром. 1 р.
— Плодородіе. Ром. 1 р. 50 к.
— Трудъ. Ром. Ц. 1 р. 50 к.
Ирвингъ, В. Жизнь Магомета. 1 р.
Крестовская. М. Артистка. Ц. 2 р.
— Исповѣдь Мытищева. Вопль. 1 р.
— Сынъ и другіе разск. Изд. 2-е. 1 р.
Крестовская. М. Ревность и др. рассказы. Изд. 2-е. 1 р.
— Въ жизни и др. рассказы. Изд. 3-е. 1 р.
— Раннія грозы. Испытаніе. Изд. 3-е. 1 р.
Кюльпе. Современная философія въ Германіи. Ц. 80 к.
Корнеліусъ, Г. Введеніе въ философію. Пер. подъ ред. проф. Ланге. Ц. 2 р.
Лухманова. Институтка. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
— Тайны жизни. 1 р. 25 к.
— Избранные рассказы. Ц. 1 р.
— 20 лѣтъ назадъ. Ц. 1 р.
— Вопросы и запросы жизни. 1 р.
— Недочеты жизни современной женщины. Ц. 50 к.
Любичъ-Кошуровъ. Братъ человѣчества. Ц. 75 к.
— Боевая жизнь. Ц. 30 к.
Мясницкій, И. Проказники. 1 р. 25 к.
— Гостинодворцы. Пов. Ц. 2 р.
— Милые люди. 3-е изд. Ц. 1 р.
— Мануфактуръ-совѣтникъ. 2 р.
— Наши ближніе. 1 р.
— Свадьба и др. разск. Ц. 1 р.
— Бѣсъ-дѣвка. Ц. 1 р.
— Омосквичился. 25 к.
— Безъ языка. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
— Смѣшная публика. Изд. 3-е. 1 р. 25 к.
— Ихъ степенства. Изд. 3-е. 1 р. 50 к.
— Житейскія ком. Юм. сб. 1 р.
— Отъ скуки. Юмор. сб. Ц. 1 р.
— Струйки смѣха. Изд. 2. Ц. 1 р.
— Приключенія Жоржа Бантикова и Сержа Кантикова. Ц. 1 р.
— Мужья и жены. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
— Веселые рассказы. Ц. 1 р.
— Господа коммерсанты. Ц. 1 р.
— Блестки юмора. Ц. 1 р.
— Юмористическ. шалости. Ц. 1 р.
— 24 юмор. рассказа. Ц. 1 р.
— Старообрядка. Романъ. 2 р.
— И смѣхъ и грѣхъ. Юм. сб. 1 р.
— Безъ претензій. Юм. сб. Ц. 1 р.
Метерлинкъ М. Собраніе сочиненій. Пьесы. 1 р. 50 к.
Маминъ-Сибирякъ. Именинникъ. Ц. 1 р.

М. Анзиминова.

Правда о Мужчинахъ

(по поводу брошюры гр. Толстого „Правда о
женщинахъ“).

Толстовскій
музей.

Издание Д. П. Ефимова.
Москва, Моховая, д. гр. Бенкендорфъ.
1905.

Дозволено Цензурою. Москва, Сентября 27 дня, 1904 года.

1008

Типографія Вильде, Малая Кисловка, собственный домъ.

ПРАВДА О МУЖЧИНАХЪ

(по поводу брошюры гр. Л. Н. Толстого „Правда о женщинахъ“).

Для того, чтобъ перечитывать эту брошюру много разъ, надо знать, что она написана гр. Толстымъ, съ заслугами котораго нельзя не считаться. Но въ ней нѣтъ ничего общаго съ тѣмъ высокимъ талантомъ беллетриста, художественныя произведенія котораго дѣйствовали на читателей съ неотразимою силою. Въ ней почтенный авторъ заявляетъ о своемъ убѣжденіи, что женщинѣ предназначается только одна дѣятельность — дѣторожденіе. Слѣдовательно, онъ не видитъ въ ней человека въ полномъ значеніи слова, но что-то очень близко напоминающее машину для производства дѣтей, достоинства которой определяются ея выносливостью. Но такъ какъ эта оригинальная машина одарена жизнью, то должна имѣть отличіе отъ прочихъ, и дѣйствительно отличается, во-первыхъ, тѣмъ, что дѣйствуетъ только извѣстное число лѣтъ, но до и послѣ своей работы можетъ уподобляться

человѣку; а во-вторыхъ, тѣмъ, что владѣетъ способностью любить своихъ дѣтей до 3—7 лѣтняго возраста, т. е. пока ихъ дѣлаетъ. Авторъ сравниваетъ это чувство матери къ своему ребенку съ любовью сапожника къ тому сапогу, который онъ шьетъ самъ, и который ему дорогъ, пока онъ его дѣлаетъ.

Кромѣ обиды за женщину, чтеніе статейки всякій разъ производило на меня впечатлѣніе чего-то предвзятаго, догматическаго, ищущаго оправдательныхъ документовъ для постройки желательныхъ сужденій тамъ, гдѣ все скрыто отъ глазъ человѣка. Подобное впечатлѣніе въ молодые годы проходитъ почти безслѣдно: прочиталъ, удивился, или засмѣялся, и занялся другимъ дѣломъ. Но въ старости, въ тотъ періодъ, когда и самый заурядный умъ получаетъ склонность задумываться надъ серьезными вопросами нашей жизни, — эта брошюра дѣйствуетъ удручающимъ образомъ: она скребетъ сердце именно потому, что написана Л. Н. Толстымъ, тѣмъ самымъ мыслителемъ, который сумѣлъ рано понять и сознаться открыто, что провелъ лучшіе годы жизни съ ложными взглядами на многія вещи. На это способенъ только крупный умъ, хотя возможно, что въ подобныхъ

случаяхъ измѣненія производятся по многимъ, но не по всѣмъ направленіямъ мысли. Провѣряя свое впечатлѣніе, я принялась перечитывать всѣ лучшія сочиненія Льва Николаевича, хотя была знакома рѣшительно со всѣмъ, что выходило изъ подъ его пера. И, вотъ, самъ авторъ помогъ мнѣ разобратъся въ странностяхъ своихъ воззрѣній на женскій полъ: слѣдя преимущественно за его женскими типами, я на этотъ разъ не могла не замѣтить, что всѣ они, если не могутъ быть названы слабыми, такъ какъ удачно взяты изъ жизни, — то отличаются односторонностью, мелкостью, и почти вездѣ выведены короткими, хотя и выразительными штрихами. Тогда я поняла, что героини романовъ гр. Толстого были изображены безидейными не случайно, но выражаютъ собою коренную полу-органическую ошибку автора во взглядахъ на женщину, категорически высказанныхъ имъ въ брошюрѣ. Я сама мать шестерыхъ дѣтей, жизнью которыхъ старалась жить до старости; я вынесла на собственныхъ плечахъ не мало бѣдъ отъ недостаточности умственнаго развитія съ молодыхъ лѣтъ, отъ бѣдности знаній, отъ ложнаго воспитанія, отъ женскаго безправія, — и, какъ таковая, могу

вѣрнѣе мужчины, кто бы онъ ни былъ, судить о призваніи, чувствахъ и потребностяхъ своего пола. Поэтому я позволяю себѣ не только сказать, но и доказать, что причины, на основаніи которыхъ авторъ создалъ себѣ определенное на этотъ счетъ мнѣніе, — недостаточно вѣски и убѣдительны, и что брошюрою его нагляднѣе всего доказывается лишь то, что смертному, какъ бы великъ онъ ни былъ, — не дано обладать всеобъемлющими талантами. Здѣсь авторъ противорѣчитъ своимъ же прежнимъ взглядамъ на образцовый бракъ: здѣсь видимо, что для него закрыто состояніе женской души при существующихъ условіяхъ; здѣсь онъ отказывается, въ лицѣ женскаго пола, половинѣ человѣческаго рода въ естественномъ стремленіи и правахъ совершенствоваться свое умственное одареніе; а въ похвальномъ желаніи женщины подняться до законнаго права на званіе человѣка видитъ — „удивительную глупость“. Поводомъ къ брошюрѣ было, очевидно, возмущеніе автора тѣмъ, что женщина начала уклоняться отъ дѣторожденія, т. е. отъ своего призванія; и приписывается это желаніе подражать мужчинѣ въ ничего не дѣланіи, (хотя женщина, наоборотъ, занялась уче-

ніемъ), тогда какъ первый долгъ ея заключается въ непрерывной производительности, при условіи страшныхъ напряженій и невыносимыхъ мученій, сопряженныхъ съ опасностью жизни, при условіи длиннаго ряда безсонныхъ ночей и всяческихъ лишеній; наконецъ при условіи не считать это ни за что и не ожидать ни съ которой стороны ни похвалы, ни награды: награда состоитъ въ сознаніи исполненнаго долга. На это можно только сказать, что авторъ требуетъ отъ женщины чего-то сверхчеловѣческаго.

Всѣмъ извѣстно, что между людьми вообще мало способныхъ на подвигъ, особенно когда онъ долгосроченъ. На землѣ подвижники считаются единицами. На военномъ поприщѣ ихъ называютъ героями, возвеличиваютъ, воздаютъ имъ почести при жизни, а послѣ смерти стараются увѣковѣчить ихъ память путемъ исторіи, памятниковъ и т. п. На гражданскомъ поприщѣ подвижнику предоставляются всѣ блага земныя, даже съ его потомствомъ включительно. На религіозномъ поприщѣ подвижниковъ причисляютъ къ лику святыхъ; имъ молятся въ храмахъ, прося ихъ помощи и защиты. Всѣ эти разнообразныя подвижники при жизни выполняли свое

личное призваніе; всѣ они служили своей идеѣ, своимъ понятіямъ о долгѣ; всѣ они испытывали при этомъ блаженство сознанія выполняемаго долга; и, во всякомъ случаѣ, остальные люди признавали въ нихъ своихъ лучшихъ представителей. Почему-же женщину, честно выполняющую свой скромный подвигъ, обрекли на подневоліе, когда всякому извѣстно, что дороже свободы нѣтъ ничего на свѣтѣ, и что рѣшительно каждому человѣку желательно состоять хозяиномъ хоть самого себя? А женщинѣ въ этомъ естественномъ благѣ отказано: почему? Она слаба? Но вѣдь и мужчина слабосиленъ, т. е. бездаренъ въ дѣлѣ кормленія и ухода за дѣтьми, одинаково нужными для обоихъ половъ: онъ не одаренъ для этого способностями, онъ лишенъ молока, необходимаго его ребенку, такъ почему же взаимныя услуги половъ не считаются равносильными? У женщины мало знанія? Почему же отъ нея пола всегда закрывали двери познаній? У матери нѣтъ времени? Такъ почему же ея бѣдную голову не обогащали знаніями заблаговременно, а торопились завладѣть еще не распустившимся всесторонне бутонъ, которому легче привить какія угодно поня-

тія, особливо при безвиходности положенія, устроеннаго совсѣмъ не природою?

Не ясно ли, что тутъ кроется какое-то роковое недоразумѣніе, чтобъ не сказать чего хуже? Съ этого древнѣйшаго недоразумѣнія и слѣдуетъ начинать, потому что это тотъ неправильный фундаментъ, на которомъ выстроилось кривое зданіе съ ложными выводами и умозаключеніями, составляющими явное зло. Мы привыкли все сваливать на природу и изъ ея указаній брать только то, что намъ нравится, хотя человѣкъ сплошь и рядомъ самъ создаетъ тѣ причины, отъ которыхъ получаютъ самыя печальныя послѣдствія, а время зарываетъ все глубже и глубже ихъ корни. (Весьма немногимъ людямъ правды желательно ихъ отрывать даже въ ущербъ ихъ интересамъ).

То-же происходитъ и въ данномъ случаѣ: природа надѣлила человѣка зубами, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что онъ долженъ постоянно жевать. Точно также и относительно приспособленій къ дѣторожденію: онѣ даны женщинѣ, слѣдовательно ей и назначено родить; но при какихъ условіяхъ, — это ужъ устроено человѣкомъ, тѣмъ самымъ человекомъ, который взялся писать законы и

всегда склоненъ злоупотреблять. Коль скоро природа предоставила труды этого рода женщинъ,—то она и должна являться ихъ хозяйкою; но мужчина этого не хочетъ: онъ хочетъ быть хозяиномъ въ дѣлахъ женщины, не даетъ ей свободы выбора ни времени, ни воспроизводителя, а потомъ указываетъ на неповинную природу. Слѣдовательно, здѣсь весь вопросъ въ тѣхъ условіяхъ, которыя были созданы не природою, но звѣроподобнымъ прародителемъ нашимъ, его естественнымъ недомысліемъ въ прошломъ. Всѣмъ ошибкамъ, логически вытекавшимъ въ послѣдствіи одна изъ другой, положилъ начало тотъ полувѣръ, который и въ боговъ вкладывалъ такія достоинства, какія мы принимаемъ за крупные пороки. Изъ поколѣнія въ поколѣніе переходила наслѣдственная увѣренность мужчины, что женщина не такой-же чело-вѣкъ, какъ онъ самъ, хотя она одарена совершенно такими-же чувствами, потребностями и способностями къ всестороннему совершенствованію. Освященная временемъ, никѣмъ почти не провѣряемая, эта увѣренность дошла и до насъ, хотя то, что было не только извинительно, но и вполне естественно въ эпоху глубокой древности, совершенно не-

простительно въ нашу. А такъ какъ древній мужчина-самецъ основалъ свое главенство на насиліи, на правѣ кулака, принятаго имъ за преимущество, то на этой ложной основѣ женщина и до нашего времени оказывается безсильной къ борьбѣ, не смотря на богатство своей природы, не смотря на драгоцѣнность тѣхъ высшихъ душевныхъ качествъ ея пола, благодаря которымъ было бы мыслимо надѣяться на достиженіе возможнаго на землѣ счастья. И вотъ обиженной женщиной пришлось искать способовъ воздѣйствія на своего господина, и способы эти такъ же дурны, какъ насиліе, породившее ихъ. Отъ сквернаго корня не могли родиться добрые плоды, — за то мы и живемъ среди условій вавилонскаго столпотворенія, за то мы лишены возможности объединиться, за то падаетъ нравственность, отчасти и религія, а женщина выучилась достигать своего гдѣ и какъ можетъ, не разбираясь въ средствахъ. Потому что и она создана свободной, и чувствуетъ это всѣмъ своимъ существомъ; какъ деспотизмъ развивалъ въ народахъ низкопоклонство, ложь и хитрость, такъ и женщина будетъ тѣмъ развращеннѣе, чѣмъ больше на ней будетъ оковъ.

Мы видимъ высокую мудрость во всѣхъ законахъ природы, и не можемъ не преклоняться передъ ними даже и тогда, когда они непріятны нашему неразумію. Одинъ изъ этихъ законовъ осязательно требуетъ отъ человѣка трудовъ для его же собственнаго блага; но—трудоу посильныхъ, только „въ потѣ лица“ т.-е. здоровыхъ, укрѣпляющихъ, хотя и утомительныхъ. Слѣдовательно, возможно ли предполагать, чтобъ Правда Божія обрушилась такъ несправедливо на неповинный женскій полъ, облакая его на непрерывныя, никому непосильныя страданія, такъ губительно отзывающіяся на каждомъ живомъ организмѣ? Кому и для чего могутъ быть полезны эти непомѣрные мученія женщины, коль скоро они ни съ которой стороны не способствуютъ совершенствованію ни ея личности, ни личности ея ребенка?..

Вотъ поэтому-то и позволительно думать, что вѣрнѣе было бы искать причину чрезмѣрныхъ женскихъ страданій при воспроизводительности не въ законахъ природы, требующихъ страданій посильныхъ, а въ общей ненормальности тѣхъ условій, которыя древній мужчина предназначилъ для жизни женщины.

Подобное предположеніе раздѣляется мно-

гими свѣтилами мысли; оно тѣмъ вѣроятнѣе и основательнѣе, что не только вся исторія, но и ежедневные примѣры, совершающіеся на нашихъ глазахъ, указываютъ на склонность человѣка злоупотреблять по всѣмъ направленіямъ.

Мы можемъ вѣрно судить о человѣкѣ только въ его прошломъ: настоящее остается невыясненнымъ, будущее — неизвѣстнымъ. Въ данномъ случаѣ прошедшее свидѣтельствуетъ, что женщина во всѣ времена страдала отъ мужского эгоизма. Жизнь, предназначенная ей, подъ его давленіемъ до нашихъ дней вредно отзывается на ея круговомъ здоровьѣ: она лишаетъ женщину и умственного развитія, и физической красоты, и энергіи духа. Не имѣя нищи, слѣдовательно и привычекъ для серьезнаго направленія мыслительныхъ способностей, — она атрофируетъ свои природные дары, наполняя ихъ ничтожными интересами даже тогда, когда дѣлается матерью. Обреченная на изысканіе средствъ понравиться премировавшему себя полу, взявшему въ свои руки какъ права на знанія, такъ и средства къ жизни, и выбирающаго въ матери по внѣшности, — она употребляетъ свою молодость на извращеніе своей натуры: приноравливается

къ моднымъ требованіямъ, поддѣляется подъ чужіе вкусы, и не приходится ей быть безыскусственной, если она чувствуетъ призваніе къ материнству. Затѣмъ слѣдуетъ ея матеріальная зависимость: всѣ наслѣдства, какъ и огромное большинство заработковъ принадлежать мужскому полу, такъ что женщинѣ, помимо всякаго призванія, предоставляется только исканіе замужества, какъ обезпеченія отъ голода, какъ приличнаго исхода изъ безвыходнаго положенія, какъ единственной дозволенной ей цѣли жизни. А при подобныхъ условіяхъ, понятно, мужчина является какъ бы чѣмъ-то высшимъ противъ женщины, и съ незапамятныхъ временъ вѣритъ въ свое превосходство, хотя въ сущности его нѣтъ, и все это устроилъ онъ самъ, а не природа; онъ, иной, но не высшій противъ женщины. Развѣ физическая сила, или возможность притѣснять ею другихъ составляетъ его превосходство передъ звѣремъ?.. Справедливо ли, чтобъ женщина, чувствующая призваніе къ материнству, должна была это призваніе скрывать, прятать, а не чувствующая—покоряться, но не законамъ своей природы, а тому шаблону, который былъ для нея измышленъ древнимъ полузвѣремъ, во имя удобствъ своего пола?

Возможно ли, чтобъ все это не портило, не коверкало женщины со всѣхъ сторонъ?

Вопросъ, поставленный въ такомъ именно смыслѣ даетъ отвѣты, разрѣшающіе просто и естественно причины женской неуравновѣшенности, болѣзненности, неудовлетворенности, слабости духа и тѣла, и все это не требуетъ ни особой науки, ни хитроумствованій, потому что доступно разумѣнію каждаго, желающаго вникать въ неизбѣжныя послѣдствія тѣхъ, или иныхъ условій жизни. Этимъ же объясняются и чрезмѣрные страданія при родахъ, и хрупкость организаціи дѣтей отъ матерей, наиболѣе уклоняющихся отъ природы, и необходимость бессонныхъ ночей, и печальная наследственность, и многое другое, такъ часто принимаемое за норму.

Въ крестьянствѣ, живущемъ ближе къ природѣ, женщина гораздо крѣпче и выносливѣе; но здѣсь благопріятныя съ этой стороны условія поглощаются, съ другой, самыми неблагопріятными, отъ которыхъ страдаетъ и физическая и умственная стороны женщины.

Въ этихъ массахъ людей ни отцы, ни матери не довольны избыткомъ дѣтей, покоряются въ силу необходимости этому обстоятельству, но отнюдь не печалятся, когда смерть

уносить излишекъ младенцевъ. Матери часто кормятъ дѣтей своихъ устарѣлымъ молокомъ лѣтъ до 3-хъ для того, чтобъ не было новыхъ.

Первое условіе естественно счастливаго материнства — это здоровыя, не частыя дѣти, которыя, не переутомляя мать, даютъ ей возможность посвящать себя разумному воспитанію ихъ. Но для того, чтобъ мать могла приступать къ той высокой, завидной, осмысленной дѣятельности кормилицы и воспитательницы человѣческаго рода, которую ей видимо предоставила сама природа, — ей надо получать самое широкое образованіе и умственное развитіе, потому что шкѣлѣ, при ея настоящихъ условіяхъ и не смотря на ея благодѣяніе въ экономическомъ смыслѣ, трудно дать ребенку то, что можетъ дать ему просвѣщенная, любящая мать. И только когда позднѣйшій мужчина возвратитъ женщинѣ все то, что было у нея отнято неразуміемъ его предковъ, когда онъ пойметъ, чѣмъ выражается человѣческое достоинство, сумѣетъ побороть въ себѣ вѣчное желаніе жречествовать и уступить женщинѣ мѣсто ея призванія, — сама мать покажетъ, на что она способна при благопріятныхъ условіяхъ. До тѣхъ поръ женское тяготѣніе къ свободѣ врядъ ли прекра-

тится, хотя будетъ выражаться различно, въ зависимости отъ личнаго одаренія и темперамента: натура жизнерадостная и некультурная будетъ стремиться къ низкопробнымъ удовольствіямъ безъ размышленій, не разбираясь въ средствахъ, не считаясь и съ послѣдствіями; натура идейная будетъ стараться фактически доказывать свою правоспособность; слабоодаренная—будетъ раздувать мелочи жизни, удовлетворяясь своею въ нихъ ролью, и т. д.

И вся эта громадная масса живыхъ силъ будетъ погибать для прогресса общества, не находя себѣ желательнаго примѣненія только потому, что мужчина хочетъ быть хозяиномъ въ районѣ и своей и женской дѣятельности. Сама жизнь намъ доказываетъ, что не всѣ женщины имѣютъ призваніе къ материнству, что далеко не всѣ и пригодны къ этому, — что хотя большинство и выходитъ замужъ, но по соображеніямъ совершенно постороннимъ материнству, вслѣдствіе чего мы и имѣемъ мало хорошихъ, осмысленныхъ воспитательницъ въ матеряхъ. И, не смотря ни на какіе декреты и требованія, число ихъ прибывать не будетъ, пока женщина не будетъ хозяйкою самой себя и не пріобрѣтетъ нормальнаго

положенія матери; потому что, во-первыхъ, недостаточно быть женщиной для того, чтобы быть хорошою матерью, а во-вторыхъ,—безъ свободы воли и мысли не можетъ быть рѣчи ни о нравственности, ни о полезномъ прогрессѣ въ обоихъ полахъ.

Факты стремленій къ бездѣтности, наблюдаемые авторомъ, представляютъ собою только частныя явленія, происходящія отъ разнообразныхъ осложненій первопричины. Въ законной власти одного пола надъ другимъ кроются какъ бы два яда, дѣйствующіе тлетворно на оба пола: здѣсь и кабанъ, и кошка равносильны въ долѣ порчи нравственности,—но... если бъ не власть кулака, не было бы надобности и въ томъ, что эта власть вызвала къ жизни.

Однако этимъ вовсе не доказывается, что власть вообще есть зло. Нѣтъ. Существуетъ власть высокая, чарующая, желанная для каждаго, способнаго ей подчиниться: это — власть ума, дающая импульсъ мысли; это — власть добра надъ зломъ, власть духа надъ плотью. Этого рода власть никогда не злоупотребляетъ, и самые счастливые люди тѣ, которые чувствуютъ на себѣ силу такой власти. Но ихъ, сравнительно, очень немного!

Въ общемъ же, если принять во вниманіе разницу условій жизни обоихъ половъ,—исторія не доказываетъ особыхъ преимуществъ мужского разума передъ женскимъ, такъ какъ десятки дѣйствительно мудрыхъ и полезныхъ дѣлъ единого дѣятеля покрывались тысячами неразумныхъ, жестокихъ, подкупныхъ. Какую жизнь устроилъ историческій мужчина для себя и себѣ подобныхъ? Кто создалъ насиліе, отъ котораго страдаетъ большинство человѣчества? Кто авторъ милитаризма, идущаго въ разрѣзъ съ истиннымъ человѣческимъ достоинствомъ? Кто проводилъ цѣлые вѣка въ дракахъ уже послѣ того, какъ принялъ ученіе Христа? Не мужской ли полъ преслѣдуетъ вплоть до XX вѣка всякое поползновеніе къ свѣту? Не онъ ли обрываетъ въ запутанномъ имъ же клубкѣ причинъ и слѣдствій всякую нить, ведущую къ познанію истины? Какого рода цивилизацію выработалъ онъ для общества? Стараясь надъ тѣмъ, что не составляетъ сути жизни, мужчина всегда упускалъ изъ виду главное, и до сихъ поръ не знаетъ цѣны мирнымъ добродѣтелямъ, не стремится къ братскимъ отношеніямъ между людьми безразличныхъ національностей. На это, конечно, поспѣшатъ возразить: „А изобрѣтенія? открытія?

Не женщина ли ихъ дѣлала?“ — Нѣтъ, не женщина! Что могла она сдѣлать при воинственномъ направленіи мужчины, въ нескончаемой исторіи войнъ? Ея скромные подвиги никого не интересовали, но они были не ниже открытій. Великія, полезныя изобрѣтенія и открытія и въ мужскомъ полѣ производились единицами, — способностями исключительными даже при благопріятныхъ условіяхъ. А что сдѣлали бы мужчины въ плѣну у сильнѣйшихъ, если бы были въ положеніи женщины? Намъ извѣстно изъ исторіи, что милліоны подвластныхъ народовъ ничего не могли подѣлать съ своими деспотами, оставаясь вѣками въ невѣжествѣ и суевѣріяхъ.

Не вкладывая разума ни въ общественную, ни въ личную жизнь, мужчина неразумно отнесся и къ женщинѣ, составляющей не только половину человечества вообще, но и половину его самого, такъ какъ добрая половина того, чего недостаетъ въ мужской организаціи, пополняется женскою, настолько же необходимою для тѣхъ высшихъ цѣлей, во имя которыхъ живетъ человечество. Съ такимъ же неразуміемъ отнесся онъ и къ силѣ своего кулака. Для него до сихъ поръ не очевидно, что физическая сила дана ему для

труда, и вообще для такихъ же полезныхъ цѣлей, какъ напр., вѣки для глазъ, или черепъ для мозга. Онъ вообразилъ, что кулакъ есть его преимущество, его право, и принялся пользоваться имъ для громленія всякаго сопротивленія своимъ хотѣніямъ. И духъ подобныхъ понятій царить не въ одномъ мужикѣ, какъ это многіе думаютъ, но руководить поступками цѣлыхъ націй, считающихся стоящими на высокой ступени цивилизаціи.

Удивительно ли послѣ этого, если женщина, видя поступки и зная взгляды сильнѣйшаго пола, наконецъ, заразилась?.. Но заразилась она не ничего не дѣланіемъ, какъ предполагаетъ авторъ брошюры, а общимъ легкомысленнымъ взглядомъ на жизнь, за которымъ слѣдуетъ безнравственность. Она начала смотрѣть на пороки не какъ на источникъ будущихъ бѣдствій, но какъ на понятную, вполне извинительную слабость человѣческую, — и сама пошла по этой дорогѣ. Однако ей тамъ не менѣе приходилось нести отвѣтственность, т.-е. послѣдствіе не только собственныхъ, но и чужихъ пороковъ; поэтому было сообща придумано безплодіе, именно въ тѣхъ слояхъ общества, гдѣ вообще не любятъ думать. Мужчина, распустившій себя, сластолюбивъ, а

рабство сдѣлало умную женщину наблюдательной: она отлично разглядываетъ изъ подъ внѣшняго культурнаго лоска, — самца, и на успѣхи прицѣпливаній въ самое его сердце пожаловаться не можетъ. Хотя для обоихъ половъ обидно то обстоятельство, что древній самецъ такъ медленно выполняетъ свою задачу превращенія въ человѣка, но при ложномъ положеніи вещей оба пола удовлетворены: онъ — гордымъ сознаніемъ своего первенства, она — возможностью поторжествовать, хоть на короткое время, повеселиться безъ стѣсненій, безъ всякой отвѣтственности. За мужскою спиною она не приобрѣла привычки къ размышленіямъ.

Но не въ этой сферѣ легкомыслія надо искать причинъ народившагося стремленія женщинъ владѣть общечеловѣческими правами.

Мы сочли бы глупымъ отца, который говоритъ десятилѣтнему сыну, съ его познаніями, умомъ, разсужденіями и желаніями: „Я рѣшилъ опредѣлить тебя въ духовную семинарію; ты у меня будешь хорошимъ попомъ, потому что у тебя звучный голосъ, славные, пышные волосы, и постное масло ты любишь болѣе скромнаго“. Ребенокъ, разумѣется, очень радъ занять почтенную должность. Онъ замѣтилъ,

что у священниковъ цѣлуютъ руку, и съ наслажденіемъ втихомолку мечтаетъ о томъ, какъ теперешнее его школьное начальство будетъ подходить къ нему подъ благословеніе, какъ важно онъ будетъ отпускать ихъ грѣхи. Но о будущихъ обязанностяхъ своихъ онъ понятія не имѣетъ, какъ не подозрѣваетъ и того, что возьметъ на свою отвѣтственность религіозное направленіе паствы.

А между тѣмъ съ женщиной поступали, да и теперь еще поступаютъ совершенно такъ же. Не соображаясь ни съ чѣмъ въ дочери, родители говорили: „Она недурна собой, у нея красивая фигурка, пріятная улыбка, и она недурно играетъ на роялѣ. Чего еще надо!.. У насъ за женихомъ дѣло не станетъ, особенно когда узнаютъ, что и приданаго припасено тыщенокъ пять!.. А, вотъ, не забыть бы купить ей глицериноваго мыла; а то вчера ни съ того, ни съ сего, появился прыщикъ на лбу!“ Дѣвочка цѣнитъ родительскія о ней заботы и не желаетъ огорчать ихъ неповиновеніемъ: они лучше все знаютъ. Но къ 15—16-ти лѣтнему возрасту она не превышаетъ 10-ти лѣтняго мальчика по познаніямъ, уму, разсужденіямъ и желаніямъ. Ее, до того времени, какъ „заневѣстится“, держали въ тѣни, уда-

ляли отъ знакомства съ жизнью, а потомъ представляли ей жениха и нѣсколько увеличивали ея свободу. Дѣвушка въ восторгѣ отъ такой 'перемѣны и заранѣе мечтаетъ о своей роли дамы; но жениха она не знаетъ, оцѣнить не умѣетъ, а объ обязанностяхъ жены и матери ей извѣстно только то, что мама всегда любить и ласкаетъ своихъ дѣтей. Родители же разсуждаютъ такъ: „Когда сдѣлается матерью, тогда и узнаетъ какъ обращаться съ ребенкомъ и какъ съ нимъ поступать; тогда сама природа подскажетъ“. Но природа даетъ ей только то глубокое, безкорыстное чувство, безъ котораго мало нашлось бы охотницъ терпѣть разнородныя лишенія ради удовлетворенія безсмысленнаго, крикливаго существа. Природа проявила этимъ свою высочайшую мудрость; однако, она, очевидно, предоставила все остальное разуму матери, и вотъ въ самомъ скоромъ времени дѣйствительно обнаруживается, что одной материнской любви недостаточно, что безъ знаній мать рискуетъ либо сама сгубить дитя, либо воспитать его въ тѣхъ же предразсудкахъ, въ какихъ воспитали ее. Даже при первой болѣзни ребенка мать ужъ очутится въ безвы-

ходномъ положеніи, и никакія слезы, не могутъ, если не окажется по близости врача.

Но почему же этимъ врачомъ долженъ быть непременно мужчина?

Пока, волею мужчины, женщины содержались въ теремахъ, при монастыряхъ, и вообще въ затворѣ, — ихъ ребячьи головы, понятно, были заняты, преимущественно, пряниками, орѣхами, лентами, обновками; но при постепенно развивавшейся въ этой области мысли мужчинъ двери затворовъ начали пріотворяться; то, что женщины слышали и увидѣли, расширило ихъ кругозоръ, и, такимъ образомъ, при первомъ же разрѣшеніи учиться, онѣ ринулись толпами во всѣ открывавшіяся учрежденія, чтобъ не ходить, какъ младенцамъ, на помочахъ, чтобъ не висѣть обузою на чужихъ шеяхъ. Только при благопріятныхъ условіяхъ получили онѣ возможность понять, что это и стыдно и унижительно жить невѣждами, когда чувствуешь въ себѣ и силы, и способности, и желаніе приносить обществу посильную пользу.

Но автору это кажется почему-то непозволительнымъ; онъ полагаетъ, что развитіе ума въ женщинѣ, или пріобрѣтеніе ею профессиональныхъ знаній есть — „одуреніе“!

Подобная странность такъ велика, что не представляетъ возможности быть объясненной иначе, какъ лежащею въ связи съ общою первопричиною, т.-е. съ наслѣдственнымъ самообольщеніемъ мужского пола, съ его неумирающимъ пока стараніемъ сузить дѣятельность женщины для законнаго якобы права жречествовать. Рѣдкій мужчина, даже изъ совсѣмъ глупыхъ, не увѣренъ, что имѣетъ достаточно основаній для того, чтобъ смотрѣть на женщину сверху внизъ. „Я, молъ, мужчина, а ты женщина“. И этого съ него довольно! Не имѣя возможности обходиться безъ женщины, онъ, тѣмъ не менѣе, не согласенъ ни признать въ себѣ только половину всесторонней единицы человѣка, ни признать въ ней такое же самобытное существо, какимъ желаетъ быть самъ. Первобытный мужчина основалъ царство кулака, а послѣдующія поколѣнія съ теченіемъ времени до такой степени свыклись, сроднились съ своими ролями главнокомандующихъ, что отвыкнуть отъ наслѣдственныхъ предвзятыхъ идей составляетъ для нихъ дѣйствительную трудность. Потому и образованіе женское такъ туго поддавалось требованіямъ времени, что мужской полъ его всячески тормозилъ, находя,

вопреки здравому смыслу, что это совсѣмъ лишнее: а лишнимъ оно оказывалось по весьма прозрачнымъ соображеніямъ.

Все это могло бы показаться не только слишкомъ смѣлымъ, но и смѣшнымъ, если бѣ исторія, (и даже не древняя), не давала намъ цѣлаго ряда совершенно однородныхъ дѣяній.

Кому изъ смертныхъ дано знать кто и чѣмъ можетъ служить своимъ ближнимъ? Каждый добросовѣстный человѣкъ долженъ заботиться объ этомъ самъ. Откуда также можетъ быть извѣстно, что мужчинѣ дано служить людямъ десятью, или сорока способами, женщинѣ же только однимъ, или двумя? Въ жизни встрѣчается и обратное, такъ какъ здѣсь многое зависитъ отъ многаго, одно обусловливается другимъ, а потому безобиднѣе всего было бы предоставить каждому, вмѣстѣ съ правомъ на знанія, и право служить людямъ по своему разумѣнію. Тогда каждый могъ бы ходить не слѣпцомъ во тьмѣ, но зрячими глазами отличать пользу отъ вреда, добро отъ зла, правду отъ лжи, или предразсудка. Широкое знакомство съ природой и ея законами, съ причинами обязательности такихъ, а не иныхъ поступковъ для блага человѣчества, — пригодно во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности,

въ томъ числѣ и материнской. Женщинѣ совсѣмъ нѣтъ надобности состязаться съ мужчиной, потому что и для нея всегда найдется много работы въ обществѣ, если оно желаетъ подвигаться по пути естественнаго прогресса. Всегда найдется также множество женщинъ для материнства, такъ что никоимъ образомъ нельзя опасаться за прекращеніе человѣческаго рода. За то это будутъ матери по дѣйствительному призванію, т.-е. настоящія, способныя къ этому дѣлу воспитательницы.

Такимъ образомъ между мужскимъ поломъ очень часто встрѣчаются личности съ большимъ умомъ, съ академическими знаками учености, и тѣмъ не менѣе съ какимъ-то спеціальнымъ мѣстнымъ атавизмомъ. И атавизмъ этотъ чаще всего выражается на двухъ излюбленныхъ пунктахъ, однородныхъ по существу: на правѣ кулака и въ воззрѣніяхъ на женскій полъ. Одни изъ этихъ господъ, какъ будто получивъ откуда-то откровеніе, твердо убѣждены, что такъ и быть должно, чтобъ женщина жила невѣждой, не умѣющей шагнуть безъ ихъ указаній: имъ, какъ достойнымъ потомкамъ индусовъ, почему-то кажется, что не женское дѣло шевелить мозгами. Разительнымъ тому примѣромъ можетъ служить,

напримѣръ, Наполеонъ, или Шопенгауэръ. По обширности ума Наполеонъ заслуживалъ авторитетности, и при живой власти все передъ нимъ ползало; но послѣ смерти его разоблачили, потому что онъ былъ бѣденъ нравственнымъ авторитетомъ, т.-е. тѣмъ, что въ человѣкѣ цѣнится выше всего.

Другіе, не смотря на свой умъ и таланты, идутъ еще дальше: они буквально не выносятъ ума въ женщинѣ и просто ненавидятъ ее, если она видитъ дальше, чѣмъ они того желаютъ. Таковыя предпочитаютъ совсѣмъ глупую жену умной не потому, чтобъ вообще предпочитали глупость уму, а только потому, что тутъ инстинктивно чувствуется нарушеніе ихъ полновластія, абсолютнаго главенства. Это также встрѣчается во всѣхъ слояхъ общества съ философами включительно, не мѣшая ничему, порождая очевидную нелѣпость, регрессъ въ видѣ условій, при которыхъ зло принимается за благо, а благо за зло: крѣпостникъ преслѣдуетъ, даже губить слишкомъ умнаго мужа, понявшаго несправедливость своего положенія, раскусившаго злоупотребленія; онъ именуетъ его безпокойнымъ и называетъ по своему усмотрѣнію. Баринъ поступаетъ точно такъ же съ откровеннымъ слугою, плутоватый

фабрикантъ съ рабочимъ и т. д. Властолюбивый мужъ готовъ состоять неофициальнымъ рабомъ круглой дуры, лишь бы она признавала въ немъ хозяина своей судьбы величая его „mon seigneur et maître“ *).

Онъ какъ-бы покупаетъ у нея главенство, и иногда очень дорогою цѣною, потому что она, продавая свою покорность одному человѣку, является за это хозяйкою во всемъ остальномъ. Множество женщинъ, подмѣтивъ эту слабую струну въ женихѣ, мужѣ, или отцѣ, играютъ на ней, какъ артисты на скрипкѣ. И выходитъ, что сами законы природы устраиваютъ должныя наказанія за властолюбіе: премировавшій себя полъ часто долженъ довольствоваться стояніемъ у декораций жизни, а самую пьесу разыгрываетъ униженный имъ полъ. (Я не беру исключеній, они имѣются всегда). Третьи могутъ быть причислены къ атавистамъ по причинѣ господства въ нихъ чувственности, сластолюбія, сильно напоминающихъ оранга. Одни изъ нихъ, пользуясь матеріальною обеспеченностью, откровенно посвящаютъ большую часть времени любовнымъ похождениямъ; у

*) Мой господинъ и владыка.

другихъ болѣе или менѣе это скрито избранною спеціальностью, или талантомъ, изъ-подъ которыхъ они, тѣмъ не менѣе, смотрятъ глазами отдаленныхъ предковъ. Путемъ основательнаго изученія какого-нибудь предмета они пріобрѣтаютъ нѣкоторую авторитетность, довѣріе, и это помогаетъ имъ склонять людей, особенно молодежь, къ своей точкѣ зрѣнія; но въ томъ уголкѣ ихъ личности, гдѣ крѣпко сидитъ атавистъ, — внѣшняя ихъ культурность есть то-же, что бѣлила и румяна на некрасивомъ лицѣ. Атавизмъ людей этой категоріи выдаетъ ихъ именно тѣмъ, что въ нихъ, не смотря на недостаточность основательныхъ причинъ, прочно установилось субъективное убѣжденіе, что женщина создана только для удовольствій мужского пола и воспроизводительности. Усердно отдаваясь личнымъ наслажденіямъ, злоупотребляя своимъ даромъ воспроизводительности, они воображаютъ, что и женщина должна заниматься однимъ этимъ дѣломъ. А между тѣмъ, природа дала женщинѣ иную организацію, которая ясно указываетъ на то, что главная задача ея не въ частой производительности, но въ воспитаніи того, кому она дастъ жизнь; поэтому, въ большинствѣ

случаевъ, женщина занимается блудомъ лишь тогда, когда мужчина уже успѣлъ ее развратить и втоптать потомъ въ грязь, или когда она сама имѣла несчастье получить скверную наслѣдственность отъ предковъ по мужской линіи, неумѣвшихъ воздерживаться отъ низменныхъ страстей.

Одинъ изъ извѣстныхъ ученыхъ спеціалистовъ, С., признавался печатно, что мужчину (къ счастью, не всякаго) не интересуется въ женщинѣ умъ, или образованіе, а прежде всего интересуется ея тѣлесная красота, и ужъ затѣмъ ея здравый смыслъ и характеръ. Онъ находилъ, что здоровое, крѣпкое женское тѣло, даже при отсутствіи какихъ либо умственныхъ дарованій, стоитъ того, чтобъ его поддерживать, такъ какъ оно, во-первыхъ, возбуждаетъ мужскую страсть, а во-вторыхъ, передается потомству.

Какъ будто вмѣстѣ съ красотою не передается потомству и умственное убожество! Какое омерзительное чувство должны возбуждать эти слова въ чистомъ сердцѣ женщины, которой цвѣтущее здоровье не мѣшаетъ носить свѣтлыя жизненные начала!

Подобное признаніе мужчины, кто-бы онъ ни былъ, обличаетъ въ немъ достойнаго на-

слѣдника гориллы, который, не умѣя смотрѣть на красоту чистыми глазами, придаетъ слишкомъ высокое значеніе половой страсти и внѣшней красотѣ, возбуждающей эту страсть. Онъ доказываетъ атавизмъ тѣмъ, что не самъ царствуетъ надъ гориллой, но избираетъ его вождемъ своихъ понятій и поступковъ. Пока человѣкъ здоровъ плотью, — чего, конечно, надо желать, — нечего опасаться чтобъ плоть забыла свои естественныя права, когда это въ порядкѣ вещей. Но если мы будемъ стараться расширять эти права во имя увеличенія наслажденій плоти, и не ограничимъ ея владѣній, — она, какъ осьминогъ, высосетъ всѣ высшіе дары человека и тогда мы быстро пойдемъ обратнымъ ходомъ къ звѣрю, потому что нанесемъ этимъ смертельный ударъ потребностямъ духа, т.-е. тому, что открываетъ намъ двери въ высшія формы жизни.

Теперь спрашивается: причастна-ли женщина къ этимъ потребностямъ духа, или-же ей суждено, наравнѣ съ прочими животными, истлѣть безъ духовныхъ слѣдовъ своего пребыванія на землѣ? Потому, что хотя авторъ „Правды о женщинахъ“ и дозволяетъ ей служить Богу и людямъ черезъ дѣтей до 3—7

лѣтъ, т.-е. пока она ихъ дѣлаетъ,—но вѣдь въ этомъ не отказано ни четвероногимъ, ни птицамъ, ни гадамъ. Чѣмъ-же, въ такомъ случаѣ, женщина выше овцы, или курицы, что удостоилась стать въ пару съ человѣкомъ?

Если она только самка, а не человѣкъ въ круговомъ смыслѣ, то она во-первыхъ, не составляетъ пары съ тѣмъ, кто называетъ себя не самцомъ, но человѣкомъ; и въ такомъ случаѣ отъ нея дѣйствительно смѣшно требовать того, чѣмъ одаренъ только человѣкъ. Но требованія и осужденія тѣмъ не менѣе слышны со всѣхъ сторонъ. Что-же можетъ дать самка своимъ дѣтямъ, кромѣ физическаго ухода?.. Здѣсь-ли идеаль чело-вѣческой матери?..

А во-вторыхъ, — еслибъ самка могла производить людей, да еще такихъ умныхъ мужчинъ, — то это было-бы такимъ-же невиданнымъ чудомъ, какъ если бъ крысы родили лошадей, а зайцы слоновъ.

И какъ ни треплется мужскимъ поломъ различныхъ странъ этотъ поистинѣ курьезный вопросъ о существѣ женщины, — повсюду можно видѣть и понимать только одно то, что мужчина, не считаясь съ законами на-

слѣдственности, хочетъ, чтобъ жена его была овцѣй, а самъ не хочетъ быть бараномъ, да и въ ней не желаетъ видѣть настоящаго человека, ровню себѣ. Онъ отлично понимаетъ, что если признать въ женщинѣ человека сполна, при этомъ не отнимать у нея и той предпослѣдней дѣятельности, какую онъ ей оставилъ какъ непригодную для себя, — то по какой-же причинѣ отказывать ей въ обще-человѣческомъ стремленіи къ просвѣщенію, т. е. въ томъ, что такъ нужно и человѣчеству вообще, и его воспитательницѣ въ частности?

Все это онъ знаетъ, потому что уменъ, но не перевариваетъ отсутствія надъ женщиной власти, съ которой сроднился крѣпко: „Какъ-же это она вдругъ будетъ дѣлать, что хочетъ, а я не буду въ состояніи и запретить ей?“ Въ древности, да и позднѣе, онъ былъ убѣжденъ, что власть ему дана Богомъ; но съ теченіемъ времени умъ его усумнился въ этомъ; однако терять власти не хочется, да и кулакъ пускать въ ходъ стало стыдно въ личныхъ дѣлахъ, гдѣ имѣлось чувство. Вотъ онъ и принялся искать законности власти своей надъ женщиной, дѣлая всевозможныя комбинаціи относительно

ея существа, одаренности, физиологических особенностей, стараясь их обусловить такъ, чтобъ зависимость женскаго пола отъ мужскаго оказывалась неизбѣжной, роковой. И какъ только которому нибудь изъ умныхъ мужчинъ приходила въ голову новая система доказательствъ такой неизбѣжности, онъ спѣшилъ ее опубликовать, и тотчасъ-же находилъ послѣдователей. Иначе по какой-же причинѣ такъ много пишутъ о женскихъ дѣлахъ мужчины, у которыхъ непочатые вороха своихъ собственныхъ, неотложныхъ для общаго блага? Развѣ не вѣрнѣе и не справедливѣе было-бы, еслибъ не существовало заднихъ мыслей, — давать женщинѣ основательныя знанія на высшихъ курсовъ, и затѣмъ предоставить ей самой заботы объ улучшеніи своихъ дѣлъ точно такъ-же, какъ мужчина заботится о своихъ? Но это не въ расчетахъ мужчины, и онъ надѣваетъ благожелательную маску, изъ-подъ которой просвѣчиваются аппетиты гориллы. И не къ одному женскому вопросу подступаютъ мужчины съ такими-же лживыми благожелательными масками: тамъ яростно защищаютъ какую-то никѣмъ не задѣтую честь, и подъ предлогомъ охраны такой святыни, грабятъ и

губятъ тысячи людей; тутъ, подъ маской ревности къ христiанскому ученiю, разоряютъ массы ближнихъ, вносятъ бѣдствiя въ цѣлую страну; въ другомъ мѣстѣ мирятъ ссорящихся и попутно обогащаются на счетъ ближнихъ, или вводятъ культуру путемъ безцеремоннаго захвата чужой собственности.

Все несчастье въ томъ, что умственное развитiе нынѣшняго мужчины идетъ не только впереди нравственнаго, но и въ ущербъ послѣднему. Умомъ онъ способенъ добратъся до многаго, но слабость нравственныхъ началъ не допускаетъ его до побѣды надъ звѣремъ, мѣшаетъ ему приступить къ предназначенному ему переходу отъ эгоистическихъ принциповъ жизни къ альтруистическимъ. Въ вопросахъ о женщинѣ онъ еще цѣпляется за все, чтобъ удовлетворить своего звѣря. Не такъ-ли точно онъ поступаетъ и на войнѣ, гдѣ отъ человѣческихъ даровъ часто не остается ничего?

Люди держатся различныхъ убѣжденiй: это дѣло ихъ совѣсти. Но чѣмъ крупнѣе умъ, тѣмъ болѣе требуется отъ него осторожности, потому что смертный можетъ все таки ошибаться, даже вредить, а влiянiе ума его громадно. Вслѣдствiе этого въ проповѣдникѣ

дорого не увѣренное рѣшеніе, не приговоръ строгаго посланника небесъ,—но желаніе поддержать падающаго, поднять его духъ, указать путь, вложить надежду и придать энергіи его вялому желанію работать надъ собою, чтобъ стать достойнымъ званія человѣка.

Авторъ-же „Правды о женщинахъ“ дѣлаетъ совершенно обратное. Родился ребенокъ крѣпкій, здоровенькій, — какихъ только и можно желать; мать сразу старается ввести извѣстный порядокъ въ образъ его жизни, кормить и укладываетъ спать въ опредѣленное время, и это даетъ ей возможность и почитать, и поучиться, и пользоваться развлеченіями, и высыпаться, и не отказываться отъ сношеній съ общественною жизнью. Но авторъ находитъ, что это ужъ не мать, потому что настоящею матерью можетъ быть только денная и ночная страдлица. Да для чего-же такая мрачная картина материнства? А между тѣмъ авторъ подчеркиваетъ это такъ сильно, что не позволяетъ самой матери рассуждать, или имѣть право голоса въ своемъ собственномъ дѣлѣ, къ которому, по его-же словамъ, она призвана самою природою.

Поэтому „Правда о женщинахъ“ гр. Тол-

стого вызываетъ изъ глубины души читательницы горечь и обиду за свое женское „я“.

Въ одномъ интеллигентномъ обществѣ очевидцы недавно рассказывали два характерныхъ случая съ двумя извѣстными художниками.. Одинъ изъ нихъ помѣстилъ свою прекрасную картину на выставку и самъ присоединился къ окружившимъ ее зрителямъ, желая услышать мнѣнія толпы. Въ числѣ ея оказался одинъ изъ лучшихъ сапожниковъ столицы, артистъ своего дѣла. Ему, какъ специалисту, сразу бросилось въ глаза, что сапогъ у фигуры на картинѣ нарисованъ не такъ, какъ обыкновенно шьютъ сапоги, и онъ громко высказалъ эту ошибку въ картинѣ. Придя во второй разъ, онъ былъ очень польщенъ, увидя, что сапогъ перерисованъ согласно сдѣланнымъ имъ замѣчаніямъ. Тогда онъ проявилъ общую людямъ слабость, принявшись судить картину и съ другихъ сторонъ. Но сколько онъ потомъ ни возвращался на выставку,—на картинѣ не было поправокъ. Другой художникъ былъ уже старичекъ. Онъ много и съ блестящимъ успѣхомъ поработалъ на своемъ вѣку въ области даннаго ему выдающагося таланта, но теперь проживалъ въ своемъ имѣніи, не переставая слу-

жить и людямъ, и объ этомъ горячемъ стремленіи его знали рѣшительно всѣ, до самаго послѣдняго крестьянина. Однажды приходитъ къ нему бѣдная крестьянка, вдова съ дѣтьми, и со слезами просить помощи на сооруженіе новой печки, вмѣсто рухнувшей старой. Художникъ, человѣкъ съ высокимъ положеніемъ и болѣе чѣмъ состоятельный, съ полною готовностью отправился въ ея избу и принялся складывать печь, считая это совсемъ пустымъ дѣломъ, не требующимъ подготовки. Однако, при всей высотѣ своего искусства, при крупномъ умѣ и недюжинной наблюдательности, — съ простою печью онъ справиться не могъ и удалился съ прискорбіемъ, не догадавшись даже, что проще и дѣйствительнѣе было-бы помочь просительницѣ деньгами, чѣмъ стараться превратить себя въ печника, когда отъ природы получилъ таланты художника.

Слушатели долго потомъ вспоминали нравоученія дѣдушки Крылова.

Еслибъ задачею человѣчества было изысканіе средствъ сдвинуть съ мѣста земной шаръ и оно надѣялось-бы совершить это своими живыми силами, — тогда стремленіе размножаться до безпредѣльности было-бы по-

нятымъ. Но при существующихъ условіяхъ картина положенія людей совершенно измѣняется. Кромѣ того,—какъ ни любятъ матери своихъ дѣтей, но и между самыми благонравными изъ нихъ врядъ-ли найдутся предпочитающія десятокъ пятку, и это вполне естественно: при частыхъ дѣтяхъ у матери не хватаетъ ни времени, ни средствъ, ни даже физическихъ силъ для того, чтобъ дать имъ должный уходъ и надлежащее воспитаніе. А такъ какъ всѣ труды этого рода приходятся на долю женщины, то имъ и книги въ руки. Слѣдовательно, и сожалѣть о недостаточномъ приростѣ людей возможно только въ смыслѣ доказательства увяданія и мощности въ человѣческомъ тѣлѣ; если-же, по другимъ признакамъ, она не увядаетъ, — то о чемъ-же беспокоиться? Чѣмъ возмущаться?

Ни цѣли человѣчества, ни его всестороннее совершенствованіе, ни самая организація женщины совсѣмъ не требуетъ чрезмѣрнаго прироста людей, иначе сказать—непрестанныхъ страданій женщины. Напротивъ того, мы знаемъ и видимъ, что природа требуетъ отдыха для производительности, что лѣто смѣняется зимою, что для плодовъ и злаковъ есть свое время, что и земля требуетъ отдыха

и удобренія, если не искусственнаго, то изготовляемаго ея законами. Тѣмъ болѣе необходимы извѣстные промежутки времени въ производительности женщины, потому что задача воспитанія человѣка еще важнѣе и сложнѣе, чѣмъ произведеніе его на свѣтъ. Кто можетъ утверждать, что любовь и болѣе кроткій нравъ, данный женщинѣ, не указываютъ на то, что именно такія качества необходимы при воспитаніи для выполненія задачъ человѣчества?.. А развѣ мыслимо спокойное, толковое воспитаніе при ежегодномъ народженіи дѣтей?.. Откуда набираться всяческихъ силъ, когда мать, не зная отдыха, непрестанно переходитъ отъ немоганий беременности къ тяжелому фізіологическому процессу, и, не успѣвая хорошенько оправиться, опять начинаетъ истощать организмъ, иногда не успѣвая даже докормить ребенка? Одна женщина можетъ родить, — говоритъ авторъ, — и это вѣрно; но съ другой стороны, — одинъ мужчина одаренъ силою мышцъ, — такъ вѣдь не дратся же ему всю жизнь на томъ основаніи, что одинъ онъ можетъ это дѣлать! Помимо этого, — вся лѣстница мірозданія, шедшая, съ человѣкомъ включительно, по пути постепеннаго совершенствованія, и всѣ на-

дежды человѣка на лучшее будущее ясно указываютъ на то, что цѣль бытія человѣка и его идеалы становятся достижимыми лишь при условіи его совершенствованія качественнаго, а не количественнаго.

Держась этой точки зрѣнія, какъ самой правдоподобной и полезной, мы должны все крѣпче убѣждаться въ томъ, что женщинѣ для блага всего человѣчества необходимо давать всѣ средства развивать умъ знаніемъ и мышленіемъ, предрасположеніе къ которымъ передастся въ потомство; и что только при этихъ условіяхъ она можетъ явить собою идеаль матери, руководящей воспитаніемъ дѣтей не до 3—7 лѣтъ, но всю жизнь, и до гробовой доски служить имъ добрымъ геніемъ и путеводной звѣздой.

Если-же богатые сословія, о которыхъ говорится въ брошюрѣ, не желаютъ ни материнства, ни серьезныхъ думъ,—такъ вѣдь и мы всѣ давнымъ давно знаемъ, что вмѣстѣ съ денежнымъ богатствомъ получается привиллегія и на придумываніе глупостей, и что этого рода труды богатая праздность предпочитаетъ всѣмъ остальнымъ.

Авторъ брошюры, призывая женщинъ матерей спасти мужей, родину и весь міръ отъ

переполняющаго его зла, говорить такъ, какъ будто думаетъ, что стоитъ только женщинамъ отдаться одному этому закону воспроизводительности, (притомъ чѣмъ чаще, тѣмъ лучше), а затѣмъ посвятить свое истощенное тѣло и невѣжественный умъ воспитанію полуторыхъ дюжинъ народившихся дѣтей,—и не только существующее зло прекратится, но и женщина завладѣетъ мужчиной. Это послѣднее было бы настолько же прискорбно, какъ и обратное положеніе вещей, потому что ни одному изъ половъ не данъ талисманъ, искореняющій пороки, или прививающій добродѣтели. Оба пола владѣютъ только однимъ кладомъ, однимъ сокровищемъ — разумомъ, роль котораго состоитъ въ томъ, чтобы господствовать надъ прочимъ одареніемъ чело-вѣка. Только разумъ можетъ родить сперва пониманіе, потомъ желаніе, и наконецъ фактическое стремленіе къ самоусовершенствованію; а сердце довершитъ остальное. Слѣдовательно, въ этомъ одномъ и цѣль, и смыслъ жизни. Разумъ пріобрѣтается, или вырабатывается успѣшнѣе всего добрымъ примѣромъ. Откуда-же его возьметъ женщина, коль скоро мужчина для примѣра не годится?

Многіе, конечно, отвѣтятъ словами гр. Толстого: „Изъ Евангелія!“

Но это легче сказать, чѣмъ сдѣлать, и гр. Толстой долженъ это видѣть на себѣ самомъ. Трудно и самымъ краснорѣчивымъ проповѣдникамъ въ наше время проводить ученіе Христа въ нравы житейскіе; тѣмъ труднѣе это для женщины. Мужчина, если бъ онъ исполнялъ ученіе Христа,—создалъ-бы вокругъ себя рай, примѣру его, безъ сомнѣнія, послѣдовали-бы многіе именно потому, что онъ, вольный дѣлать какъ хочетъ, избралъ добрый путь и тѣмъ заслужилъ общее уваженіе. Для женщины же—непротивленіе злу, смиреніе, покорность, кротость считаются качествами обязательными и цѣнятся они не дорого: ей полагается любить, не смотря ни на что, полагается покорно выносить что угодно и быть добродѣтельной. И не только никого она этимъ не удивляетъ, но еще заслуживаетъ этими качествами и побой, физическіе и нравственные, такъ какъ всѣ ея добродѣтели принимаются за беззубіе овцы. Физическими побоями ее „учить“ невѣжда, простолудинъ, принимающій свою силу за достоинство и право. Нравственными побоями оскорбляетъ ее изстари болѣе интеллигентное сословіе, видящее въ

имъ-же обездоленной и испорченной женщи-
нѣ своего субалтерна, созданнаго, будто, для
его утѣхъ и предписаній. А безправная пе-
редъ закономъ личность все равно, что птица
съ обрѣзанными крыльями: она искусственно
обезсилена для борьбы не только съ чужими
пороками, но и съ своими собственными,
особенно при дурномъ примѣрѣ.

Я отнюдь не хочу этимъ сказать, что во-
обще мужчины негодяи и злодѣи, — далеко
нѣтъ! Женщины нерѣдко пользуются неза-
служеннымъ счастьемъ въ замужествѣ, и есть
не малое число мужчинъ, у которыхъ тысячи
женщинъ недостойны поцѣловать ногу. Но
хорошій человѣкъ носить законы въ сердцѣ,
а пишутся они, преимущественно, для дур-
ныхъ, зависѣть отъ которыхъ не дай Богъ
никому! И чтобъ понять это — недостаточно
великаго ума: надо еще великое сердце.
Вліяніе женщины до такой степени бесспор-
но, что два родныхъ брата съ одинаковымъ
одареніемъ, воспитаніемъ и образованіемъ
могутъ очутиться на противоположныхъ полю-
сахъ нравственности только по той причи-
нѣ, что жены вліяютъ на нихъ различно.
Тѣмъ не менѣе женское вліяніе, при настоя-
щихъ условіяхъ, носить частный характеръ;

а потому было-бы цѣлесообразнѣе и надежнѣе, вмѣсто воззванія къ женщинамъ, обратиться къ мужскому полу, къ остаткамъ его здраваго смысла въ этомъ направленіи, а главное—къ его понятіямъ о цивилизаціи внутренней, а не внѣшней.

Графъ Толстой обличаетъ преимущественно французенокъ (имѣя въ виду, вѣроятно, салонныхъ дамъ Парижа), изобрѣтающихъ средства не имѣть дѣтей. Но здѣсь едва-ли не напраслина на женщинъ, такъ какъ изобрѣтателями являются, конечно, оба пола совокупно, и даже мужской полъ въ большей степени, какъ дѣятель на фабрикахъ разныхъ новостей, какъ докторъ и содержатель аптекъ. Мужчинѣ не хочется тратиться на дѣтей, или терпѣть ради нихъ стѣсненія; женщинѣ не хочется портить той фѣзической красоты, которой требуетъ отъ нея мужчина и которая даетъ ей какую ни на есть жизнь, — и оба предпочитаютъ веселье заботамъ. Здѣсь, какъ и повсюду, послѣдствія женской круговой зависимости отъ мужчины плачевны, но избѣжать ихъ нельзя, потому что зло всегда рождаетъ зло и это ужъ законъ природы.

Во Франціи, въ странѣ, считающейся соперницей наицивилизованнѣйшей Англіи, за-

конодатель, цокровительствующій, по обыкновенію, своему полу, — вручаетъ всѣ права мужу, оставляя жену, не лучше индуса, даже безъ правъ на свою собственность. (Мнѣ къ сожалѣнію, неизвѣстенъ прогрессъ послѣдняго времени, но плоды, насаженные предыдущимъ поколѣпіемъ, идутъ на пользу или вредъ настоящему). „Le mari administre seul les biens particuliers de la femme. Il peut vendre les immeubles de la communauté sans l'autorisation de sa femme. Il a le droit de vendre, et même de donner gratis les meubles et tout ce qui appartient à la femme, s'il le juge bon“ *).

Слѣдовательно, каждый мужъ, будь онъ развратникъ, воръ, или вообще человѣкъ съ скверными наклонностями, или дурнымъ характеромъ (а такихъ много), имѣетъ полное право, подъ разными предлогами, обратить все женино и дѣтское достояніе; можетъ, даже при первомъ несогласіи, снять съ жены браслетъ, или часы, и отослать ихъ хоть своей любовницѣ, если подобный случай

*) Только мужъ можетъ распоряжаться частною собственностью жены и можетъ продавать имущество, не спрашивая ея согласія. Онъ имѣетъ право не только продавать, но даже дарить и мебель, и все, что принадлежитъ его женѣ, если это ему заблагоразсудится.

былъ упущенъ въ свадебной кантрактъ. А желаніе женщинъ оградить себя отъ такого разбоя путемъ пріобрѣтенія общечеловѣческихъ правъ, гр. Толстой называетъ „удивительною глупостью!“

Какое-же уваженіе, какое довѣріе можетъ имѣть въ душѣ французенка къ своему будущему мужу, когда еще до свадьбы она ужъ вынуждена обороняться отъ его злоупотребленій при полновластіи? Вѣдь французу было даже дано право запираеть мать своихъ дѣтей въ монастырь!

А графъ Толстой предоставляет ей не умирающее счастье любить мужа, съ которымъ необходимъ контрактъ!

По французскимъ законамъ женщинѣ вѣрить нельзя; поэтому она лишена права являться въ качествѣ свидѣтельницы въ формальныхъ актахъ. „Sont exclus de ces fonctions: les interdits, les mineurs, les condamnés a une peine afflictive ou infamante, les hommes d'une inconduite notoire, les gerants incapables, les femmes“ *). Приравненные къ от-

*) Лишены права быть свидѣтелями: находящіеся подъ опекой, несовершеннолѣтніе, занимающіеся позорнымъ ремесломъ, люди, извѣстные своимъ сомнительнымъ поведеніемъ, и женщины.

бросамъ общества, какъ должны себя чувствовать французенки, и чего можно отъ нихъ требовать? Надо еще удивляться, что онѣ таковы, каковы есть!

Не признаются, равнымъ образомъ и права матери: „L'enfant reste jusqu'a sa majorité sous l'autorité de son père et de sa mère; mais le père seul exerce cette autorité“ *).

Или: „Les enfants ne peuvent se marier sans le consentement de leurs parents; mais en cas de dissentiment, le consentement du père suffit“ **).

Спрашивается: при чемъ-же тутъ мать, выстрадавшая, выкормившая, выхोдившая своего ребенка почти безъ участія отца, потому что законъ писанъ какъ для бѣдныхъ, такъ и для богатыхъ матерей?.. Огородникъ, насадившій у себя капусту, признается ея законнымъ хозяиномъ и посягающій на его труды называется воромъ; а у матери самъ законъ отбираетъ плоды ея трудовъ и передаетъ во власть отца. Гдѣ-же тутъ справед-

*) Ребенокъ до самаго совершеннолѣтія находится подъ опекою своихъ родителей. Но фактически онъ состоитъ въ зависимости только отъ отца.

**) Дѣти не могутъ вступать въ бракъ безъ согласія своихъ родителей; но во всякомъ случаѣ достаточно согласія только отца.

ливость, и кого думалъ обмануть законодатель, упоминая о матери, если не свое собственное чутье правды, — свою совѣсть?

И можно-ли послѣ всего этого смѣяться надъ тѣмъ, что женщина, понявъ наконецъ всю глубину попраиія въ себѣ челоѱка, принялась всѣми силами доказывать свою правоспособность?.. Да есть-ли на всемъ земномъ шарѣ хотъ десятокъ мужчинъ, которые не перевернули-бы все вверхъ дномъ и не кончили-бы безбожными кровопролитіями, всенародными бѣдствіями, если-бъ какимъ нибудь фокусомъ очутились въ положеніи женщины, напримѣръ, хотъ французенки? Защищая свои собственные права, они забыли-бы и прогрессъ, и свою цивилизацію, и нравственность, и религію, и совѣсть; они сдѣлались — бы настоящими звѣрями!

А что сдѣлали обездоленные, униженные французенки?.. Онѣ только съ математическою точностью выполняютъ собою естественный законъ природы, т. е. портятся и извращаются ровно постольку, поскольку ихъ портятъ и извращаютъ болѣе сильные дѣятели. Чего отъ нихъ требуетъ, хотя и безъ словъ, премированный полъ, то онѣ и даютъ въ лучшемъ видѣ, да и не могутъ, при такихъ

скверныхъ условіяхъ, не давать. Онѣ не от-
вѣтчицы за мужское легкомысліе все потому-
же, что ихъ искусственно обезсилили, а че-
резъ это разбивается человѣческое достоин-
ство, и теряютъ оба пола съ потомствомъ
включительно. Вотъ къ чему привело кулач-
ное право! Женщину, призванную не только
родить, но и воспитать человѣчество,—муж-
ское неразуміе сдѣлало куклой; ну, она и
дѣйствуетъ какъ кукла, и винить ее за это
не приходится.

Что стоило человѣку съ властью, напри-
м. Наполеона, и съ его пошибомъ, выбросить
изъ гортани такой величественный декретъ:
„Долой женщинъ изъ Академіи Художествъ
(или изъ другого учрежденія)! Это не бабье
мѣсто!“ Полный сомнѣнія, пьяный собствен-
нымъ достоинствомъ, онъ даже не далъ себѣ
труда вникнуть, что глупостью подобнаго
изреченія умаляетъ развитіе талантовъ, за-
кладываетъ фундаментъ несправедливости,
безпричинно унижаетъ женскій полъ, и, на-
конецъ, заражаетъ порокомъ сотни тысячъ
людей, готовыхъ подражать, не разбираясь
въ добрѣ и злѣ, всякому эффе́кту.

Такъ поступалъ Наполеонъ, несмотря на
свой умъ, такъ поступали и подобные ему

законодатели, сами, такъ сказать, ворую желательныхъ матерей у своихъ соотечественниковъ.

Если-бъ женщинѣ было предоставлено ея настоящее назначеніе, то и дѣти ея выходили-бы нравственнѣе, да и скромнѣе; но отъ дѣтей самки трудно ожидать готовности промѣнять власть на честь: для нихъ честь—это тощій журавль въ небѣ, тогда какъ власть—жирная синица въ рукахъ.

Цивилизованный французъ и въ ХХ столѣтіи еще не стыдится говорить: „Pourquoi une femme est-elle charmante? Parce qu'elle ne raisonne pas: c'est un oiseau qui chante sans réfléchir, un papillon qui s'amuse sans penser au lendemain“ *). Онъ обожаетъ женщину за то, что она даетъ ему наслажденіе видѣть свое превосходство. Въ странѣ, гдѣ легкомысліе освящено закономъ, гдѣ народныя массы съ материнскимъ молокомъ впитываютъ его во всѣ взгляды и вкусы,—не мудрено, что женщина исковеркана; неудивительно также, если въ богатыхъ сословіяхъ она отрешивается

*) Чѣмъ такъ очаровываетъ насъ женщина? Тѣмъ, что она не разсуждаетъ: она похожа на птичку, которая поетъ ни о чемъ не размышляя, на бабочку, которая наслаждается, не думая о завтрашнемъ днѣ.

отъ материнства, поставленнаго въ такія неблагопріятныя условія, и превращается въ двуногую бабочку. Измѣните условія,—измѣнится и женщина.

Никто не одобритъ супругу, которая безъ уважительныхъ причинъ, единственно изъ-за желанія не лишаться удовольствій, освобождаетъ себя отъ дѣтей; но, съ другой стороны, надо быть сухимъ и сытымъ резонеромъ, чтобъ не сочувствовать бѣдной беременной матери уже семерыхъ живыхъ дѣтей, которымъ, — она видитъ,—предстоитъ нищенство совсѣмъ его соблазномъ, но которымъ она не можетъ помочь. Тутъ, въ отдѣльности, никто не оказывается виноватымъ: мужу предоставлена жена, онъ ею и пользуется, а законъ природы творить остальное. Но уже въ самой основѣ есть ошибка, указывающая на недостатокъ разума именно въ мужскомъ полѣ, такъ какъ свободная женщина, при всей своей природной любви къ дѣтямъ, никогда не устроила-бы себѣ такого ужаснаго положенія.

О своемъ собственномъ призваніи — естественнѣе, ближе, и прежде всего надо знать самой женщинѣ, а между тѣмъ ея-то мнѣнія никто и не спрашиваетъ, повидимому, по той простой причинѣ, что мужчинѣ хочется да-

вать законы и жречествовать, хстя отсюда-то и вытекаетъ все послѣдующее зло. Зло это особенно замѣтно среди тѣхъ многочисленныхъ массъ людей, которыя называются народомъ. Законъ хотъ и обязываетъ мужа содержать семью, но гдѣ женѣ и матери искать своего мужа, который, подъ предлогомъ заработка, уходитъ, куда хочетъ, шатается по году и болѣе, снова плодя дѣтей направо и налево? А дома бѣдствуютъ. Да еслибъ и удалось водворить его домой, то это, пожалуй, было бы еще хуже для жены. При полноправіи мужа надъ женою, онъ и дома пропивалъ-бы безъ церемоніи весь женинъ заработокъ, или приданое. Въ крестьянствѣ нерѣдко случается, что жена, зарабатывая у землевладѣльцевъ на пропитаніе семьѣ, въ отсутствіе мужа успѣваетъ обзавестись необходимымъ по домашности; вдругъ неожиданно является мужъ, вытаскиваетъ и пропиваетъ все обзаведеніе, уходитъ опять, и это нашествіе повторяется нѣсколько разъ. При сопротивленіи онъ будетъ бить кулакомъ, ремнемъ, каблукомъ, таскать за волосы; а еслибъ жена вздумала жаловаться, — это только прибавило-бы ей синяковъ; — и ничего, лишь-бы не было калѣчья!

Да вѣдь это то-же негровладѣльчество!.. И какой ужасный примѣръ дѣтямъ! Мудрено-ли, что такая картина будущаго не привлекаетъ къ материнству, и что семьдесятъ дѣвушекъ изъ ста выходятъ замужъ только потому, что ужъ такъ принято. А потомъ происходитъ что то совсѣмъ невѣроятное: мать, добрая, честная женщина, сама радуется, когда „Богъ прибираетъ“ часть ея родныхъ, кровныхъ дѣтей. Назвать это безнравственностью нельзя, потому что во всемъ остальномъ она проявляетъ, наоборотъ, высокую степень нравственности; это, скорѣе, естественный протестъ противъ слишкомъ большого количества дѣтей, несоразмѣрнаго ея силамъ.

Если-бъ женщина имѣла право располагать хоть своимъ собственнымъ тѣломъ и трудомъ, — она никогда не пожелала-бы имѣть ребенка отъ пьяницы, или злого человѣка, хоть-бы онъ и былъ ея мужемъ; и такое естественное право чрезвычайно благотворно повліяло-бы не только на распустившихся отъ полновластія мужчинъ, но и на нравственность слѣдующаго поколѣнія, гарантированнаго отъ наслѣдственныхъ пороковъ. Но объ этомъ думать мужчинамъ невыгодно, —

вотъ они и не думаютъ; не допускаютъ и женщину думать, предпочитая видѣть въ ней самку. А такъ какъ она не самка quand même, то и проявляетъ, при благопріятныхъ условіяхъ, совершенно такія-же общечеловѣческія способности и потребности, какъ и премированный полъ; она справедливо рассуждаетъ въ глубинѣ своей души, что такъ какъ она сама за себя отвѣчаетъ и передъ Богомъ, и передъ своею совѣстью, и даже передъ человѣческимъ судомъ, вплоть до тюрьмы и эшафота, то и въ дѣлахъ своего личнаго призванія не желаетъ имѣть хозяевъ никого, кромѣ себя самой. А то одинъ поставитъ ей въ обязательство стирать на дѣтей, другой готовить имъ кушанья, третій обшивать ихъ непременно собственноручно, такъ что въ концѣ концовъ окажется необходимымъ удалить ее отъ всего живого и возвратиться къ теремамъ и фатѣ. Что-же такое, наконецъ, женщина: живой и одаренный человѣкъ, или машина для рожденія дѣтей!.. Жизнь дается намъ только одинъ разъ, и каждому живому существу прежде всего желательно провести ее въ самопроизвольной дѣятельности, а не въ положеніи получеловѣка, которому не даютъ вздохнуть безъ со-

вѣтовъ и наставленій. Считаюсь съ тѣмъ вѣрнымъ доводомъ, что въ каждомъ дѣлѣ долженъ быть одинъ, а не два хозяина, — было-бы вполне справедливо, полезно и естественно, еслибъ въ дѣлѣ продолженія рода и воспитанія дѣтей этимъ законнымъ хозяиномъ была мать.

Графъ Толстой утверждаетъ также, что стоитъ только мужчинѣ взяться за настоящій трудъ, и вопросъ о женскихъ правахъ исчезнетъ самъ собою. Но правъ-ли онъ? Едва-ли, и мы видимъ это на крестьянствѣ. Здѣсь крестьянинъ работаетъ какъ волъ, но и женщина не отстаетъ отъ него; она и пашетъ, и коситъ, и жнетъ, и боронитъ, и молотитъ, и правитъ лошадьми, и унаваживаетъ землю, только не сѣетъ. Она пошла-бы и въ штольню, и въ шахту, еслибъ ее принимали, — однако вопросъ о женскихъ правахъ былъ-бы здѣсь еще умѣстнѣе, чѣмъ гдѣ-либо; потому что забитая крестьянка представляетъ собою какую-то домашнюю скотину, или утварь, несущую на своемъ горбѣ весь домашній обиходъ, незнающую просвѣта, имѣющую надъ собою трехъ хозяевъ съ поднятыми кулаками. И родился женскій вопросъ совсѣмъ не въ богатыхъ сословіяхъ, и

не на почвѣ подражанія мужчинамъ въ ничегонедѣланіи. Хотя и это было-бы въ порядкѣ вещей, — вѣдь во всемъ человѣчествѣ одни подражаютъ другимъ какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ; но вопросъ о женскихъ правахъ назрѣваетъ самобытно, духомъ времени, прогрессомъ мысли истинныхъ доброжелателей общества, людей горячо сочувствующихъ поднятію женщины во всѣхъ отношеніяхъ, потому что это природная воспитательница ихъ дѣтей и внуковъ. Вопросъ этотъ выросъ изъ сердца человѣка; онъ зрѣетъ точно такъ-же, какъ зрѣли и созрѣвали вопросы о негровладѣльчествѣ и крѣпостномъ правѣ. Потому что слово: „право“ не пустой звукъ, но имѣетъ огромное значеніе въ жизни человѣка. Подходятъ къ женскому вопросу, правда, съ нужныхъ и съ ненужныхъ сторонъ, но цѣль одна и та-же. Разница-же въ томъ, что для равноправія женщины съ мужчиною не достаточно желанія, не требуется и воинственныхъ началъ; но необходимо, чтобъ оба пола побольше вдумывались въ цѣли своего временнаго пребыванія на землѣ, и чтобъ результаты такихъ думъ привели женщину къ пониманію отвѣтственности, хотя-бы нравственной, за противленіе тѣмъ

предначертаніямъ, безъ которыхъ не было-бы смысла въ нашей жизни. А мужчину — къ умѣренію самомнѣнія, ничѣмъ не заслуженнаго. Онъ такъ занятъ претензіями своего „я“, что теряетъ всякую справедливость, всегда склоненъ жать тамъ, гдѣ не сѣялъ, и плохо разумѣетъ, какого рода цивилизаціи требуетъ отъ него то-же предначертаніе. Когда все это будетъ понято умомъ, сердцемъ и совѣстью обоихъ половъ, — вопросъ созрѣетъ, міровоззрѣніе человѣка измѣнится, и духъ войдетъ въ свои права надъ плотью, какъ добро въ свои права надъ зломъ. Потомки наши осудятъ нашу грубость, жестокость и предразсудки.

Нельзя не надѣяться, что все это придетъ постепенно, естественно, безъ вредныхъ скачковъ и безплодныхъ требованій.

Что-же касается необходимости того рода труда, который гр. Толстой называетъ „настоящимъ“, — то не раздѣлять его мнѣній на этотъ счетъ невозможно, потому что слишкомъ ясно, что онъ обязательно нуженъ для каждого человѣка, коль скоро освобождающій себя отъ физическаго труда наглядно вредитъ своему круговому здоровью.

Но вѣдь и работа мысли необходима во

имя устройства общества и благоденствія человѣчества: можно-ли это отрицать? Весь міръ высоко цѣнитъ дѣятельность мыслителя съ выработаннымъ направленіемъ, который, какъ добрый геній, идетъ впереди людей съ свѣточемъ мысли, освѣщая путь идущимъ позади... Что-же думать, когда самъ мыслитель находитъ, что трудъ его не настоящій, а такъ только подобіе труда?... Какимъ-же образомъ возможно соединить многотрудное дѣло пахаря съ многотруднымъ дѣломъ мыслителя такъ, чтобъ одно не приносило ущерба другому, и чтобъ ни которымъ изъ нихъ не заниматься для виду, для развлеченія, но отдаваться съ дѣйствительною пользою?

Совмѣстить эти два дѣла настолько-же затруднительно, какъ объяснить тотъ непостижимый фактъ, что одинъ и тотъ-же человѣческій мозгъ заключаетъ въ себѣ одновременно и выдающіяся умственные способности, и блестящій талантъ, и недюжинную наблюдательность, — и уголокъ той-же мозговой субстанціи, какъ-бы атрофированный для усовершенствованія. Мы имѣли такіе примѣры въ прошломъ, въ лицѣ Аристотеля, или Соломона, имѣемъ таковой и нынѣ въ лицѣ гр. Л. Н. Толстого. И въ его могучемъ мозгѣ, рядомъ съ глубокопро-

думанными вопросами, лежать въ неприкосновенности и предзвѣтыя, наслѣдственные идеи, о движеніи которыхъ онъ не заботится, пробужденіемъ которыхъ не интересуется. Онъ, открывающій корни многихъ общественныхъ золъ, онъ, дающій импульсъ мысли тысячамъ людей, онъ, съ такою тонкостью опредѣляющій состояніе душъ и высоко, и низко поставленныхъ мужчинъ, — въ то-же время не признаетъ общечеловѣческихъ правъ женщины, и считаетъ ее созданной для исключительной дѣятельности внѣ общества. Его геній вникаетъ въ Охотиныхъ, Федоровыхъ, признаетъ условія жизни могущественными факторами, — но по какой-то непонятной причинѣ обходитъ законы наслѣдственности, передающіе, ужъ конечно не безъ цѣли, качество и способности обоимъ родителямъ безразлично въ оба пола, а главное — безъ нашего вѣдома и согласія.

Графъ Толстой могъ создать Нехлюдова, въ которомъ рождается сомнѣніе по поводу правъ однихъ людей наказывать и губить жизнь другихъ; но автору съ предвзятыми идеями, съ психологическимъ предрасположеніемъ къ такимъ, а не инымъ взглядамъ на женскій полъ, никогда не могла притти

въ голову мысль вложить точно такъ же сомнѣніе въ мозгъ которой нибудь изъ своихъ героинь, и поставить отъ ея лица точно такой-же вопросъ: „Кто далъ право мужчинѣ хозяйничать во всемъ существѣ женщины, лишать ее воли, знаній, вкусовъ, врожденныхъ стремленій?“

Природа, разнообразя до безпредѣльности живые организмы, снабжаетъ оба пола необходимымъ для продолженія рода; но она же снабжаетъ оба пола разумомъ и волею, давая такимъ образомъ и возможность и право выбора.

Мужчина это добрый геній, благодѣтель женщины, но въ то-же время и ея слуга, работающій на нее. Женщина—добрый геній, благодѣтельница мужчины, но въ то-же время и его служанка, работающая на него.

Что можетъ быть мудрѣе?.. *Mais nous avons mutilé tout ça**).

К О Н Е Ц Ъ.

*) Но мы исказили все.